

С тех пор как был открыт Центр по обработке дел клана Цуй, в его стенах не утихала суета. Постоянный гул голосов и бесконечная вереница людей прерывались лишь в те моменты, когда туда заходил Цуй Люй — тогда в зале воцарялась почтительная тишина.

Весть о том, что Цуй Юань готовится вступить на государственную службу, уже разлетелась по клану. Дела, которыми он прежде занимался, Цуй Люй распорядился передать в ведение новоиспеченного Центра для централизованного управления.

Цуй Чжунхао, лишившийся права участвовать в экзаменах и строить карьеру чиновника, долгое время не показывался на людях. Осознание того, что его обвели вокруг пальца как последнего глупца, ударило по нему настолько сильно, что он на три дня заперся в Родовом зале. Когда прислужница, приносящая ему еду, обнаружила его, он уже метался в жару. Его перенесли домой, и едва встав на ноги, он первым же делом отправился в покои отца. После долгого разговора по душам со старшим братом, который всё это время усердно повторял классические каноны, Чжунхао заметно изменился. Он стал тише, степеннее, а в его одежде больше не было той изысканной легкости, которой щеголяют любители изящной словесности.

Теперь он молча следовал за отцом. Чжунхао видел, как затихает толпа при появлении старика, как люди покорно расступаются, освобождая дорогу. Он наблюдал за тем, с каким невозмутимым достоинством отец занимает свое место и легким взмахом руки велит подавать отчеты. В эти мгновения Чжунхао внезапно понял тот восторженный блеск в глазах своего сына, с которым тот описывал величие деда, управляющего кланом.

Он тоже вырос подле отца, но никогда прежде не смотрел на него под таким углом. Особенно после того, как сам получил степень сюэя — тогда вечные наставления старика об экономии и бережливости казались ему признаком ограниченности, мещанства и приземленности.

Грамоту об успешной сдаче Цуй Люем столичного экзамена Чжунхао увидел в руках старшего брата. В тот миг осознание собственной спеси — ведь он считал, что его талант превосходит отцовский — обожгло его, словно пощечина. Ему стало так стыдно, что захотелось провалиться сквозь землю. А когда он обнаружил среди старых бумаг черновики отцовских трактатов, написанные когда-то мимоходом, его многолетняя самоуверенность и вовсе показалась ему жалким паясничеством.

«Неудивительно, — думал он с горечью, — что Пятый брат всегда смотрел на меня с таким сочувствием и жалостью, когда я рассуждал о своем таланте, якобы способном затмить горы. Я принимал это за зависть, а это был взгляд на умалишенного».

Из всех братьев Пятый оказался самым проникновенным, Старший — самым скромным, а он — самым заносчивым.

Чжунхао больше не возражал против того, чтобы заняться торговлей. Как сказал старший брат, отец всегда действует во благо семьи. Какие бы решения он ни принимал, его главной

целью всегда остается будущее клана. Коль скоро они, дети главной ветви, пользуются лучшими ресурсами рода, то должны быть готовы посвятить свою жизнь служению этому роду. Ответственность и долг — вот в чем истинное предназначение сына и сородича.

Оправившись от болезни, Чжунхао взял на себя заботы о повседневных делах поместья. Внутренними покаями по-прежнему ведала старшая невестка, госпожа У, а делами переднего двора он занимался вместе с Бо Чэном. Впрочем, пока ему доверяли лишь мелочи в пределах усадьбы; внешними вопросами всё еще заправлял Цуй Чэн. Старик Цуй Люй лишь час после ужина уделял тому, чтобы выслушать их отчеты и внести необходимые правки.

Всего за несколько дней Чжунхао успел разглядеть в поступках и словах отца глубину, подобную бездонной пропасти. То, с какой легкостью Цуй Люй управлялся с клановыми делами и как заранее просчитывал несколько вариантов развития событий, открыло Чжунхао ту сторону личности отца, о которой он раньше и не подозревал. Теперь он понимал, почему старший брат всегда казался таким робким и тихим перед родителем.

Трудно не робеть, когда перед тобой стоит человек, для которого не существует непреодолимых преград, излучающий абсолютную уверенность. Любое собственное мнение в его присутствии кажется незрелым и неуместным, а попытка высказаться — бахвальством невежды.

Чжунхао впервые начал по-новому оценивать положение старшего брата в семье. Он проникся к нему искренним уважением за то, что тот умудрялся выносить такое давление и даже осмеливался идти наперекор решениям отца.

Если бы он сам оказался на месте Юаньи, хватило бы у него духу противостоять гневу родителя, сочувствуя обиде матери? Хватило бы смелости втайне заменить гроб на более дорогой?

Ответ был прост: нет, он бы не посмел.

Именно поэтому старший брат смог выстоять под натиском Второго дяди и дожидаться пробуждения отца. Именно поэтому он, трезво оценив все расчеты, сумел предложить план, обеспечивший мирный переход власти в поместье. Старший брат, который в тени отцовского величия казался серым и невзрачным, на самом деле обладал самым изощренным умом и невероятной стойкостью. Не в этом ли причина того, что он смог повлиять на отца и изменить планы на собственное будущее?

Размышления этих дней дали Чжунхао больше, чем предыдущие двадцать лет жизни. Видя, как отец раз за разом рушит его привычные представления о мире, он чувствовал, что до этого жил зря.

Теперь он даже завидовал Пятому брату — тому, как он умудрялся жить столь беззаботно под самым взором отца и при этом сохранять свою индивидуальность на «запретной территории» старика.

Решение отправить Младшего Пятого в Северные земли окончательно убедило Чжунхао в одном: отец готов тратить деньги на всё, что имеет практический смысл. Можно заниматься науками и литературой, но он терпеть не может пустую кичливость образованностью. Вспоминая свои приторные стихи о весеннем ветре и луне, Чжунхао заливался краской стыда. Наверняка отцу давно хотелось хорошенько его выпороть.

Старшая сестра была права: он застал время, когда отец стал на редкость благодушен. В любой другой момент его, как и Второго дядю, навсегда заперли бы в Родовом зале без права выхода.

Пока он предавался этим мыслям, из соседнего крыла, где располагался родовой зал, внезапно донеслись яростные крики и брань. Голос, кажется, принадлежал дяде Цуй Фэну.

Вскоре кто-то вбежал в зал и что-то шепнул на ухо Цуй Юаньчи. Тот немедленно подошел к Цуй Люю и негромко доложил:

— Дядюшка, Цуй Фэн требует встречи с вами.

Он помедлил, а затем добавил:

— Пришли вести из столицы. Те, кого мы посылали, прибыли к пустому дому. Из пяти детей удалось забрать только двоих... Имущество по большей части вывезено, остались лишь громоздкая мебель да безделушки.

С этими словами он передал письмо Цуй Люю. На его лице читалась досада.

— Мы опоздали, — прошептал он, опустив голову. — Наши люди не успели всего на шаг...

Цуй Люю поднял на него тяжелый взгляд. Юаньчи склонился еще ниже.

— Решили сэкономить на аренде кораблей? — раздался холодный голос сверху. — Денег пожалели?

Цуй Юаньчи стиснул зубы:

— Перевозчики запросили слишком много. Нас было много, за каждого только за переправу через реку требовали по сто лянов. А если с детьми возвращаться — цена удваивалась. Я... я решил поторговаться, потянуть время пару дней, и кто же знал, что всё так обернется...

Цуй Люю положил письмо на стол и сложил руки в замок:

— Таковы законы теневых путей. Кто пойдет на риск без щедрой оплаты? Мы должны были

захватить их с поличным. Будь это официальное следствие, казенные суда были бы надежнее, но мы ведь хотели избежать огласки? Значит, на определенные траты нужно было идти не раздумывая. Запомни: никогда не экономь там, где эта экономия может всё испортить. Это того не стоит!

— Племянник усвоил урок, — Цуй Юаньчи густо покраснел.

— Зови тех, кто вернулся, — Цуй Люй махнул рукой. — Я сам их расспрошу.

В зал вошли шестеро: четверо мужчин и две женщины. Все они прежде служили в распорядительной палате. Хотя Цуй Люй фактически отстранил старый совет старейшин, делами кто-то должен был заниматься, поэтому толковых исполнителей он оставил при Центре.

— Рассказывайте, как всё было, — велел Цуй Люй.

Голос его не был суров, но людям показалось, будто над ними занесли плеть.

— Отвечаем... отвечаем господину Главе, — начал один из них.

Среди пришедших двое мужчин были примаками, взятыми в род Цуй за трудолюбие и расторопность, еще двое — сородичи из очень дальних ветвей. Женщины, обе за сорок, по возрасту были ровней Цуй Люю — жены его младших братьев по поколению.

Никто из них не смел поднять глаз. Тот, что выглядел посolidнее, вышел вперед:

— Когда мы добрались по адресу, в доме никого не оказалось. Только двое детей и пара служанок, занятых уборкой. Наложницы Лу и след простыл. Мы обыскали окрестности и дом, но ценностей почти не осталось. Ушли все, прихватив добро.

Чтобы забрать детей, им нужны были доказательства: письмо от Цуй Фэна и жетоны поместья. Оставшиеся слуги, перепуганные до смерти, выложили всё как на духу.

Оказалось, госпожа Лу со своим полюбовником сбежала, прихватив все деньги Цуй Фэна. С собой они забрали троих детей: второго по старшинству, четвертого и самого младшего, которому едва исполнился месяц. Из сбивчивых признаний служанок стало ясно: происхождение этих детей было, мягко говоря, сомнительным. Если говорить прямо — они были не от Цуй Фэна, а от того самого любовника.

В зале повисла мертвая тишина. Люди, столпившиеся у дверей в надежде на раздел имущества Цуй Фэна, стояли как громом пораженные. Они так долго ждали, когда вора призовут к ответу и вернут украденное, а теперь им говорят, что все деньги Цуй Фэна унесла его наложница, и даже дети его — не его.

Трудно было сказать, кто в этой ситуации выглядел жальче. Неудивительно, что Цуй Фэн исходил криком в своей темнице — от такого любой бы сошел с ума.

— В управу заявляли? — сухо спросил Цуй Люй.

— Нет, — говоривший опустил голову. — Перед отъездом вы наказывали действовать скрытно. К тому же Лу ушла тихо, мы побоялись привлечь внимание расспросами. Привезли только двоих детей и мамку, которая за ними смотрела. Она знает о Лу больше всех.

Цуй Люй нахмурился и жестом отпустил людей:

— Ступайте. Зайдете к Цуй Чанлиню за вознаграждением.

Он не сказал, доволен он или нет. В конце концов, они лишь рядовые исполнители, не способные на гибкость в непредвиденных обстоятельствах.

Цуй Чжунхао, заметив гневную складку на лбу отца, понял, что тот недоволен провалом. Он нерешительно приоткрыл рот.

— Говори, что хотел, — Цуй Люй заметил его движение. — К чему эта нерешительность?

— Это лишь мое скромное мнение, отец, но им следовало заявить властям, — Чжунхао покраснел.

Цуй Юаньчи удивленно посмотрел на него.

— И что бы это дало? — парировал Цуй Люй.

Позволить столичным чиновникам, которые знать не знают наш клан, вывернуть дела семьи Цуй наизнанку?

Старик повернулся к Юаньчи:

— А ты что скажешь?

— Я бы дал денег кому-нибудь из Командования пяти городских округов, тем, кто ведает поимкой воров, — не раздумывая ответил Юаньчи. — Сказал бы, что в дом забрался грабитель, похитил женщину и детей. Не упоминал бы ни о деньгах, ни о любовнике — просто поиск пропавших.

Цуй Люй бросил взгляд на притихшего второго сына:

— Командование пяти городских округов знает о каждом шаге в столице. А кража имущества — это уже уголовное дело, за которое возьмутся судебные чиновники. Мы же хотели тишины. Найти дежурного офицера, подмазать его — и они начнут искать в частном порядке. Это Командование, по сути, официальные «местные заправилы», у них свои методы.

Чжунхао в смятении осознал, что его книжная ученость и знание официальных порядков здесь пасуют перед житейской мудростью. Оказалось, что в управлении кланом иногда методы простых обывателей куда эффективнее законов. У каждого — своя правда, свой путь, и даже ничтожный рядовой стражник может сделать то, что не под силу судье, если знать, как к нему подойти.

— В распорядительную палату нужен толковый человек, — подытожил Цуй Люй. — Чтобы в таких делах всегда был кто-то способный принимать решения на месте. Иначе мы так и будем терять возможности.

— Кого вы хотите назначить? — спросил Цуй Юаньчи.

Цуй Люй задумался. Он видел, что Чжунхао горит желанием проявить себя, а его торговые дела начнутся еще не скоро — нужно дождаться перевода Чжан Ляньцюэ. Почему бы не дать сыну попрактиковаться?

— Чжунхао, попробуешь?

Сын мгновенно подобрался, выпрямив спину:

— Я... я готов приложить все силы.

Когда этот вопрос был решен, Цуй Юаньчи велел привести буйствующего Цуй Фэна.

Тот не успел переступить порог, как его крик едва не сорвал крышу:

— Цуй Люй! Скажи мне, что это ложь! Это твоя месть, ты велел принести мне эти басни! Это не может быть правдой...

Он осекся под ледяным взглядом Цуй Люя. За одну ночь Цуй Фэн словно постарел на десять лет. Лицо его покрылось глубокими морщинами, и он, ровесник Люя, выглядел теперь дряхлым стариком.

Цуй Люй презрительно оглядел его и неспешно проговорил:

— Слышал я, госпожа Лу была весьма недурна собой? Ровесница твоей старшей дочери... Цуй Фэн, и как же тебе только кусок в горло лез?

Тот вскинул голову, не желая сдаваться. Его тучное тело с огромным животом, похожим на чрево женщины на шестом месяце, подрагивало.

— К чему эти пустые слова? Если ты решил жить как монах-отшельник, не навязывай это мне! Жизнь дается один раз, у меня были деньги — с чего мне было ютиться в нищете? Думаешь, все такие, как ты? Я хотел наслаждаться жизнью! Красавицы и золото должны были принадлежать мне...

— И рога тебе в придачу, — усмехнулся Цуй Люй. — И дети от чужого семени. Цуй Фэн, превосходно же ты прославил свой род перед предками.

Он на миг запнулся, вспомнив, что предки-то у них общие.

Цуй Фэн замер, а затем словно сдулся, теряя весь свой гонор.

— Я кормил ее, поил... Как она могла так поступить? Как она посмела...

— А почему бы ей не посметь? — нетерпеливо оборвал его Люй. — Когда у тебя не было ни гроша, кто, кроме твоей законной жены, на тебя хоть раз взглянул? Ты что, красив как Ланьлин-ван или могуществен как Император Кайу? Молодая, яркая красавица идет к мужчине, который почти вдвое ее старше... Ради чего? Ради твоего жира? Ради твоего маленького роста или лоснящейся физиономии? Я же говорил тебе: с такой внешностью, что глаза режет, ты должен был беречь жену как величайшее благословение. Обидев ее, ты обрек себя на проклятие — либо разоришься, либо жизнью заплатишь!

Цуй Фэн отшатнулся и рухнул на пол. Он во все глаза глядел на своего сородича, в котором с каждым днем всё отчетливее проступала пугающая властность. Глаза Фэна налились кровью, и он в отчаянии выплюнул:

— Ты, конечно, статен и красив, но тоже ведь взял жену из скромного дома! Цуй Люй, неужто забыл, на ком мечтал жениться? Если бы покойная матушка не принизила тебя намеренно, ты бы сейчас был зятем генерал-губернатора Хэчжоу! Неужто в душе нет обиды? Неужто не ненавидел ее? Не прикидывайся, Люй! Той ночью, когда та девушка выбежала из твоей комнаты, я видел, как ты бросился следом. Если бы в сердце твоём ничего не было, стал бы ты гнаться за ней? Ты же холодный как лед, пока тебя за живое не заденут, и взгляда не подаришь. Не поверю, что ты не вспоминал ее каждую ночь!

«Матушки мои святые!» — ахнул про себя Цуй Чжунхао.

Он и так был поражен отцовскому красноречию, но старые тайны оказались куда жарче. Чжунхао не знал, как скрыть выражение лица, и боялся даже дыхнуть в сторону отца, опасаясь, что за такие знания его могут и пришибить ненароком.

В зале воцарилась тишина, в которой слышно было полет мухи. Генерал-губернатор Хэчжоу? Невероятная высота. Цуй Люй упустил такую партию?

Покойная матушка... госпожа Глава... ох и натворила она дел!

Лицо Цуй Люя не дрогнуло. Ни тени гнева или смущения. Он лишь спокойно кивнул:

— Так это ты тогда за мной следил?

Он произнес это так, словно удивлялся скрытности сородича.

— Ты зря не веришь, — продолжил он. — Я и вправду человек без сердца. И не смей марать имя покойной матери своими домыслами. Хочешь верь, хочешь нет, но между мной и той девицей не было никакой тайной связи. Я понимал свое положение лучше тебя. И я прекрасно знал: случись что с ней на нашей земле — и всё богатство клана не утолило бы гнев ее отца. Поэтому это я просил матушку найти мне жену из рода Цинь. Это я искал этого брака, чтобы успокоить того сановника, а не матушка навязала мне ее из страха перед моим возвышением. Тебе стоило бы усвоить одно: я всегда знал цену себе и никогда не тянул руки к тому, что мне не принадлежит. Ты же, как обычно, непроходимо туп.

Цуй Фэн ошарашенно качал головой, не желая принимать правду. В его мире никто не мог добровольно отказаться от дочери высокопоставленного чиновника. Эта зависть снедала его полжизни — он ненавидел Люя за то, что судьба подарила тому шанс на милость знатной красавицы.

Все эти годы он копил яд, который в итоге толкнул его на обман сородичей ради денег. Он бродяжничал, обманывая самого себя, заводил наложниц, думая, что живет в довольстве, а на деле лишь загонял себя в тупик.

И теперь человек, которому он завидовал всю жизнь, сообщает ему, что всё это было лишь плодом его больного воображения.

— Кха... — Цуй Фэн схватился за сердце и выплюнул сгусток крови.

Он распростерся на полу, едва дыша:

— В западном предместье Баочуаня... у меня есть дом. У восточного угла... акация, что смотрит на юг. Под ней два сундука с золотом. Цуй Люй... обещаю тебе... обещаю, что те двое детей останутся в клане. Обещаю, что их не будут обижать, что...

Он не договорил. Тело обмякло. Цуй Люй мгновенно оказался рядом, но губы Фэна уже посинели, глаза выкатились из орбит, и он, искаженный в последней судороге, испустил дух.

Цуй Чанлинь подбежал к нему, бледный от страха:

— Еда была чистой! Я никого к нему не подпускал, сам приносил подносы... Как же так?

С того дня, как Цуй Фэн вернулся, Цуй Люй чувал, что кто-то жаждет его смерти. Он приставил к нему Чанлиня, велел следить за каждым куском, но не уберег.

А может, Цуй Фэн и сам понимал: после того как он обрек столько людей на нищету, одной жизни не хватит, чтобы искупить грех.

Разоренные семьи, смерти от болезней из-за безденежья, гибель матери и младенца в родах — его злодеяния не перекреть парой сундуков золота.

Цуй Люй осторожно закрыл ему глаза.

— Сделайте гроб, похороните его по-человечески.

— Будем искать убийцу? — тихо спросил Чанлинь.

Цуй Люй обернулся к людям, молча наблюдавшим за сценой у дверей.

— Тот, кто это сделал, пусть придет ко мне в поместье во время второй стражи и всё расскажет. Если же я найду виновного сам... сдам властям и вышвырну из клана.

Он не собирался мстить за Цуй Фэна, но ему нужно было знать, кто из его сородичей способен на такое скрытное и беспощадное убийство. Как можно было отравить человека, не приближаясь к его еде?

Из толпы вышла худая, изможденная женщина. Она медленно опустилась на колени перед входом и поклонилась до земли:

— Господин Глава, не нужно ждать ночи. Это сделала я.

Цуй Люй замер, а затем тяжело вздохнул:

— Зачем ты сгубила себя? И как тебе это удалось?

Женщина подняла на него пустой, выцветший взгляд:

— Я вываривала его одежду в воде с мышьяком и олеандром. Раз за разом. Стоило ему

вытереть лицо рукавом или коснуться губ — яд проникал внутрь. С того дня, как его заперли в той комнате, я начала это делать. И вот... наконец-то свершилось.

Она закрыла лицо руками и зарыдала:

— Сынок, мама отомстила за тебя. Мама скоро придет к тебе.

Цуй Люй почувал неладное и рванулся к ней, но женщина, решившая уйти вслед за сыном, вырвалась и с размаху ударилась головой о каменную колонну. Кровь мгновенно залила ее лицо.

— Врача, быстро!

Окружающие не могли сдержать слез. Видя, что Цуй Люй не спешит гневаться, они разом пали на колени:

— Господин Глава, пощадите ее! Она несчастная душа, единственный сын у нее был, и тот из-за Цуй Фэна всё потерял и в петлю полез. Она жила только ради этого дня. Не губите ее, простите на этот раз!

Цуй Люй смотрел на коленопреклоненную толпу. За его спиной садилось солнце, отбрасывая длинные тени под колоннаду.

— Вы все знали, что это она? — негромко спросил он. — И даже помогали ей?

Иначе как бы бедная вдова достала столько мышьяка? Без помощи сородичей тут не обошлось.

Но мог ли он судить ее по законам клана или государства? Женщина, потерявшая мужа и сына, жила лишь одной жадной мести.

А те, кто просил за нее, были по большей части женщинами. Мужчины разоряли семьи, а все страдания и вину несли на своих плечах их жены и матери. По какому праву он должен выгораживать мужчин? Только потому, что они носят фамилию Цуй, а женщины лишь вошли в их дома?

В этом не было правды.

В тот миг в голове Цуй Люя всплыли обрывки из его странного сна — какое-то учреждение, похожее на комитет, где разбирали семейные ссоры и защищали слабых.

Да, кажется, это называлось Ассоциацией по защите прав женщин.

Под умоляющими взглядами сородичей он медленно вышел из палаты и, погруженный в раздумья, направился домой. Цуй Чжунхао следовал за ним, не смея проронить ни слова.

Сын был в полном смятении. Рана на голове женщины была глубокой, кровь остановили, но выживет ли она — бог весть.

Раньше он думал, что Цуй Фэну достаточно вернуть долги. Но теперь, узнав цену его обмана в человеческих жизнях, он понял: есть долги, которые золотом не выплатить. За кровь платят кровью, и даже внутри одного клана убийство остается убийством.

***

В поместье Цуй царил тишина. У ворот стояло несколько экипажей, слуги вносили внутрь тюки и коробки. Цуй Чжунхао удивленно прибавил шаг.

— Они уже вернулись? — спросил он у Бо Чэна. — Собирались же на пару дней?

Женщины, получив деньги, поспешили ими распорядиться. Услышав, что в префектуру завезли заморские диковинки, они договорились съездить за покупками, но вернулись, не пробыв там и дня.

— Старшая невестка чем-то расстроена, — доложил Цуй Чэн, проверяя груз. — Вторая тоже не в духе. Дочери господина внешне спокойны, но видно, что поездка их не порадовала. Только Пятая невестка раздобыла какую-то безделушку и убежала к мужу.

В это время госпожа У и госпожа Сунь уже предстали перед Цуй Люем. Они поклонились и доложили:

— Поручение бабушки исполнено.

Цуй Люй специально отправил их в префектуру под предлогом покупок, чтобы они разузнали обстановку.

— Бяо-сао разузнала у своего отца, — начала госпожа У. — Говорят, семья Лю метит на место в Управлении морской торговли для Лю Минцзюня.

Лю Минцзюнь был помощником судьи в Хуйцюе. Цуй Люй хотел знать, куда его планируют перевести — на равнозначную должность в богатый уезд или на повышение. Если бы Лю метили в кресло судьи Хуйцюя, он бы мог в этом поспособствовать. Но Управление морской торговли... это было слишком лакомое место.

Госпожа Сунь добавила:

— Я виделась с сестрой... — Она замялась, теребя платок. — Сестра жалуется, что почти не видит господина помощника главы области. В доме появилась новая наложница, очень искусная в интригах. Помощник уже два месяца не заглядывал к моей сестре.

Цуй Люй промолчал, а Сунь, побледнев, прошептала:

— Сестра разузнала: эту девицу прислал судья Чжан.

«Всё ясно», — подумал Люй. Чжан Ляньцюэ решил искать путь к Вэнь Ци через постель, методы его по-прежнему были бесхитростны и грязны.

Отпустив невесток, Цуй Люй вызвал к себе дочерей.

— Что купили в городе? Почему такие хмурые? — ласково спросил он.

Цуй Юлин присела на стул подле отца, прижимая к себе дочку:

— В префектуре совсем нет приличных женщин на улицах. Стоило нам выехать в экипаже, как на нас уставились толпы зевак. Проходу не давали, ужас просто!

Цуй Сяроун подтвердила:

— Отец, вы говорили, что нынче женщинам дозволено выходить в свет? Но там всё как тридцать лет назад: на улицах только те бедняжки, что ищут пропитания. Знатные дамы сидят взаперти. Лавочники говорят, что возят товар на дом, и почти никто из госпож сам за покупками не ходит.

Обстановка в префектуре была странной. Говорили, что в управе открыли окна для приема прошений от женщин, но за ними сидели одни мужчины. Наглая ложь и показуха!

Цуй Люй покачал головой:

— Указы изданы, но на местах нужно время. Ничего, после Нового года приедут инспекторы из трех провинций, тогда в префектуре перестанут заниматься формальностями.

Затем он озвучил мысль, которую обдумывал всю дорогу:

— Вижу, вы дома скучаете. У отца есть для вас дело. Возьметесь?

Сестры мгновенно оживились. Впервые Цуй Люй обращался к ним с серьезным поручением.

Старик вкратце рассказал о том, что произошло сегодня в храме, и закончил:

— Хочу я создать в клане место, где женщины могли бы душу отвести, советом друг другу помочь. Жизнь — штука непростая, всякое случается. Если какой муж начнет руку поднимать или детей тиранить — чтобы было кому заступиться. Нельзя допускать таких бед, как с Цуй Фэном, иначе всему клану покоя не будет.

Цуй Сяроун подалась вперед, в ее глазах вспыхнул азарт:

— Батюшка, а эта ваша ассоциация разводы давать будет?

Цуй Люй поперхнулся от такой прямоты и, собравшись с духом, ответил:

— Лучше десять храмов разрушить, чем один брак расторгнуть. Я это затеваю ради мира в семьях. Доченька, ну нельзя же, если сама развелась, всех подряд подговаривать! Нужно... кхм... миром дело решать.

Сяроун недовольно сощурилась:

— Что же это у вас за двойные стандарты? Если жизни нет — значит, надо расходиться! Сами же говорили! Нельзя позволять нашим мужчинам портить жизнь чужим дочерям. Каждая девушка в своем доме — сокровище, с чего ей у нас в клане в обиде жить? Пусть эти бездельники глаза откроют: не станут людьми — вмиг и жены, и детей лишатся, будут куковать в одиночестве!

Цуй Люй понял, что его затея с женским советом грозит превратиться в «комитет по расторжению браков». Не выдержав обличительного взгляда дочери, он замахал руками:

— Сначала место подготовьте, а устав потом обсудим! Всё, ступайте, отец устал.

Цуй Чжунхао, наблюдавший за всем из угла, сделал для себя важный вывод: каким бы грозным ни был Цуй Люй за порогом дома, перед своими дочерьми он пасовал точно так же. Чжунхао решил, что ему пора навестить собственных дочерей.

Нужно проверить: это старик только к сестрам так добр, или ко всем девочкам в семье? Если ко всем, то вот оно — его спасение на будущее.

«Доченьки мои, — думал он, — только на вас надежда, что дед меня меньше ругать будет».

Цуй Синьянь и Цуй Синьжуй могли лишь молча посочувствовать отцу в его заблуждениях.

Спустя всего несколько недель после открытия Центра по обработке дел клана Цуй, в поместье начало свою работу Чайное собрание внутренних покоев клана Цуй.

<http://bllate.org/book/16118/1584633>